

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-99-108
УДК 32.019.5(045)

Факторы и стратегии демобилизации протестной активности российской молодежи

Р.В. Парма

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье протестные настроения дифференцированы по характеру конструктивности и конвенциональности. Деструктивные и неконвенциональные протестные настроения часто выливаются в экстремистские и радикальные действия, которые представляют угрозу устойчивому развитию общества. Протестная аудитория молодежи подразделяется на заряженных активистов, ситуативных сторонников и пассивных наблюдателей. Дискурс-анализ современных научных исследований выявил преобладание в формировании протестных настроений информационных, социальных, политических и психологических факторов. Дискурсивные предложения исследователей сопоставляются с социологическими данными, раскрывающими представления российской молодежи о нужных способах развития общественной активности. В зависимости от типов политической ориентации определяются возможные стратегии демобилизации радикальных протестных настроений, которые строятся на основании общественного участия и доступа к ресурсам.

Ключевые слова: протестные настроения; протестная мобилизация; демобилизация протеста; профилактика протеста; российская молодежь

Для цитирования: Парма Р.В. Факторы и стратегии демобилизации протестной активности российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):99-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-99-108

ORIGINAL PAPER

Factors and Strategies of Russian Youth's Protest Activity Demobilization

R.V. Parma

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the article, protest sentiments are differentiated by the nature of constructiveness and conventionality. Destructive and unconventional protest sentiments often result in extremist and radical actions that pose a threat to the sustainable development of society. The protest youth is divided into activists, situational supporters and passive observers. The discourse analysis of modern scientific research has revealed the predominance of informational, social, political and psychological factors in the formation of protest sentiments. The researchers' discursive proposals are compared with sociological data revealing the ideas of Russian youth about the necessary ways to develop social activity. Depending on the type of political orientation, potential strategies for the de-escalation of radical protest sentiment are determined. These strategies are based on public engagement and access to resources.

Keywords: protest sentiments; protest mobilization; demobilization of protest; protest prevention; Russian youth

For citation: Parma R.V. Factors and strategies of Russian youth's protest activity demobilization. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):99-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-99-108

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Протестная активность граждан может носить как конструктивный, так и деструктивный характер, нарушая установленные законом правила и попирая нравственные устои. Протестные действия также различают по уровню конвенциональности — готовности участников достигать соглашения с властями. Диагностика протестной активности связана с разнообразием декларируемых и скрытых мотиваций участников, несовпадением выдвигаемых и реально преследуемых намерений. Заявляемая мирная протестная активность участников нередко выходит за установленные ограничения, преобразуясь в силовые противоправные действия. В определенной политической ситуации деструктивный неконвенциональный протест приобретает радикальные и даже экстремистские черты.

Меры противодействия радикальным и экстремистским проявлениям общественной активности отражены в ряде нормативно-правовых актов. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» одной из целей обозначает конструирование комплекса нравственных, смысловых ориентиров развития личности, которые позволяют молодежи противостоять идеологиям экстремизма, национализма, ксенофобии, проявлениям ненависти и дискриминации по расовой, религиозной, национальной и социальной принадлежности¹. В свою очередь, в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» привлечение молодежи к участию в несогласованных властями массовых акциях обозначается как инструмент дестабилизации социально-политической ситуации. В документе распространение протестных настроений в российском обществе, прежде всего среди молодежной аудитории, связывается с расширением цифрового пространства коммуникаций, включающим интернет-ресурсы и социальные сети².

В настоящее время российское общество пребывает в ситуации неопределенности. Переустройство мира, конфронтация со странами коллективного Запада и ведение боевых действий на сопредельных территориях формируют тревожное состояние у населения. В этих условиях наиболее уязвимой

социальной группой оказалась молодежь, чьи ценности, интересы и стратегии были в значительной степени ориентированы на Западный мир. Крушение надежд, очевидно, порождает недовольство, которое потенциально может перерасти в массовые протестные действия. Таким образом, цель исследования состоит в систематизации факторов демобилизации протестной активности молодежи, отраженных в научных работах российских авторов. Применение эффективных способов позволит нивелировать радикальные проявления протестных настроений среди молодежи в трудные времена.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе настоящего исследования — критический дискурс-анализ Т. Ван Дейка, используемый для выявления преобладающих контекстов и особенностей формируемого дискуссионного поля, учитывающего как отдельные характеристики социальной реальности, цели и установки адресантов, так и динамические изменения в структуре и содержании практик [1]. Источниковую базу составили актуальные статьи российских авторов, ориентированные на анализ протестных настроений молодежи, а также технологий и механизмов противодействия негативным эффектам ее протестной мобилизации (в том числе реализуемых в пространстве цифровых коммуникаций). Ключевыми параметрами дискурсивного анализа научной литературы выступают выделяемые факторы распространения протестных настроений и меры протестной демобилизации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно данным социологических исследований, среди всей российской молодежи немногим менее половины (47%) составляет аудитория протестных действий. Из них около половины (51% — самая многочисленная когорта, примерно 25% от всей численности молодежи) следует отнести к ролевой модели зрителей, которые отслеживают информацию протестного характера оппозиционной направленности. Более трети (37%) относятся к ролевой модели сторонников, демонстрирующих поддержку и выражающих готовность принять участие в уличных акциях протеста. Среди протестной аудитории существенная часть (12%) — представители ролевой модели активистов, имеющих опыт участия в протестных действиях [2] (рис. 1).

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>

² URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555>

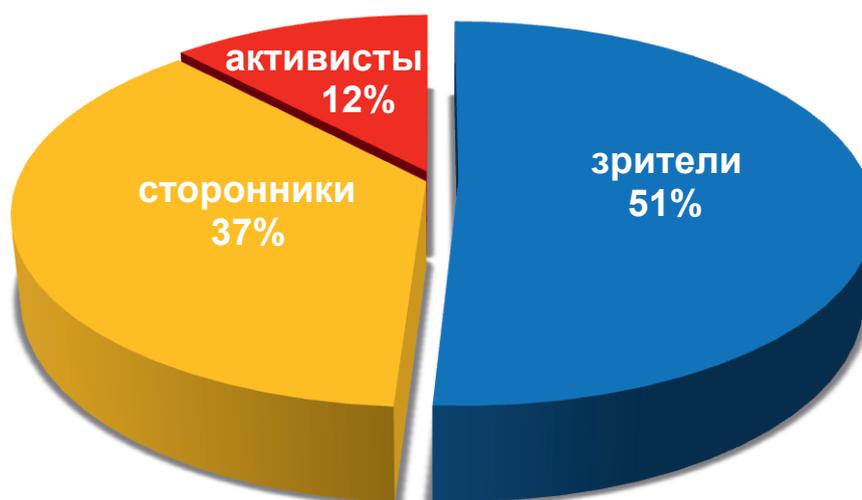

Рис. 1 / Fig. 1. Стратификация протестной аудитории российской молодежи / Stratification of the protest audience of Russian youth

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Меры профилактики обычно принимаются с учетом различных причин, способствующих формированию протестных настроений и вовлечению в протестные действия. Важным фактором протестной мобилизации выступают оценки состояния и перспектив социально-экономического развития. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров отмечают, что нереализованные ожидания молодежи в сферах образования и труда сказываются на нарастании потенциала протестных действий. Ухудшение личного материального положения оказывается еще более сильным мотивом недовольства и вовлечения в протестную активность. Способом предупреждения эскалации таких действий обозначается создание условий для реализации жизненных стратегий молодежи [3]. К.М. Макаренко формирование протестных настроений в российском обществе связывает с конъюнктурной тематикой, отражающей принятие властью непопулярных решений. Среди наиболее распространенных событий-триггеров протеста выделяются пенсионная реформа, экологические проблемы, вопросы социального обеспечения, нарушения на выборах, оптимизация сферы здравоохранения [4].

Когнитивными факторами нарастания протестных настроений молодежи является распространение психоэмоционального ощущения несправедливости, а также представлений о нелегитимности существующего порядка, нравственной деградации общества и отсутствии

позитивного образа будущего. Д.В. Руденкин говорит о продвигаемом внесистемной оппозицией негативном восприятии государства, которое характеризуется как чиновное, коррумпированное, неэффективное и неспособное решать насущные социально-экономические проблемы [5]. В свою очередь, В.А. Франц отмечает, что возрастание значимости культурного аспекта идентичности повышает эффективность влияния «мягких» технологий на общественное мнение и поведение российской молодежи посредством усвоения «когнитивных кодов» [6].

Согласно исследованиям, новому поколению, особенно в мегаполисах, свойственны выраженные характеристики индивидуализма, гедонизма и толерантности; склонность к самовыражению, эпатажу и перформансу, следованию нестандартным моделям поведения. В.В. Титов политические взгляды поколений Y и Z характеризует как весьма неустойчивые и внутренне фрагментированные [7]. По мнению М.А. Кленова, для оппозиционной молодежи характерна более высокая, чем у провластной, гражданская активность [8].

К числу вышеуказанных факторов, наряду с запросом на ценность справедливости и несформированным позитивным образом будущего, О.В. Попова относит недостаток социального опыта, пропаганду общества потребления, слабую привязанность к национальным символам, погруженность в цифровую среду. В этих условиях политическое недовольство в сети трансформи-

руется в публичные выступления под воздействием триггеров «рекрутирующих событий». Дополнительным импульсом может стать жесткое подавление властями гражданских акций. Молодежь более склонна к протестной мобилизации, не в полной мере осознавая риски неконвенционального поведения [9].

А. А. Керимов и А. А. Эбзеев рассуждают об отсутствии политической силы, представляющей интересы молодых людей на государственном уровне. Молодежь выражает недовольство и испытывает фрустрацию, так как находится в наиболее уязвимом социально-экономическом положении, чутко реагируя на протестную повестку несистемной оппозиции. Выстраивание диалога представителей власти с молодым поколением, включение в публичную политику посредством расширения его представительства в государственных структурах способны перевести недовольство в русло конвенциональных отношений [10].

Ряд авторов на основании теоретического анализа и эмпирических исследований выявляют факторы, влияющие на интенсивность протестной активности молодежи. Е. В. Бродовская и Т. Хуанг полагают, что протестный потенциал молодых людей целенаправленно стимулируют адресные интенсивные информационные потоки на платформах социальных медиа. Аудитория протеста дифференцируется в цифровой среде по степени вовлеченности в действия и по ценностным установкам. Наблюдающие «зрители» и преданные «сторонники» ориентированы на макросоциальное взаимодействие и получение удовольствий. Включенные «активисты» настроены на тесное социальное взаимодействие, для них важны общественно значимые цели. Отмечается, что наибольшим потенциалом протестной активности обладают не типичные представители большинства цифрового поколения, а отклоняющиеся меньшинства с иными ценностными установками [11].

Официальные СМИ формируют позитивную повестку и создают представление о более благополучной ситуации в стране. Тогда как, по мнению В. Б. Звоновского с соавторами, альтернативные каналы информации — интернет и социальные медиа — предоставляют негативные сведения, провоцирующие недовольство молодежи. При этом в современных условиях протестная мобилизация носит скорее ценност-

но-рациональный характер: участники акций не столько требуют смены власти, сколько отстаивают поправленные права и ценности [12].

Как полагают С. А. Панкратов, С. И. Морозов и С. Д. Гаврилов, социальные медиа оказывают на протестную активность молодежи целенаправленное воздействие посредством формирования информационной повестки дня, вовлечения в сообщества, используя статусные и ролевые стимулы достижения успеха для продвижения радикальных ценностей и моделей поведения. Цифровые коммуникации предоставляют возможности для самоорганизации протестных сообществ и имитации масштабных действий молодежи. Лидеры протестных движений активно используют сетевые технологии мобилизации граждан через расширение поддержки политизированных онлайн-каналов, которые интегрируют протестные сообщества, используя манипулятивные механизмы влияния на сознание и поведение пользователей [13]. Взаимодействие в онлайн-сети посредством координации протестных действий позволяет организовать массовые офлайн-акции.

А. В. Шентякова и Н. В. Гришин, используя когнитивное картирование информационных материалов протестных сообществ в социальных медиа, выявляют ценностную картину в интерпретациях происходящих событий лидеров общественного мнения. Популярными у молодого поколения блогеры конструируют «консолированное символическое пространство смысла», апеллируют к справедливости, конституционным правам, принципам демократии, оскорблению и игнорированию требований граждан. Оппозиционные инфлюенсеры, накопившие социальный капитал, обладают влиянием на аудитории социальных медиа, играя роли агентов политической социализации и ретрансляторов либерального дискурса [14].

Применение А. Ю. Домбровской и А. В. Синяковым кластерного анализа позволило выявить следующие факторные зависимости политического поведения российской молодежи:

- конвенциональность и конструктивность лидерских гражданских установок сопряжена с осознанием важности ценностей социального порядка, сохранения культуры, исторической памяти, взаимопомощи и порядочности;
- неконвенциональность и неконструктивность лидерских гражданских установок чаще

всего проявляется в политических форматах гражданского активизма, а также в сферах, связанных с реализацией экологических проектов;

- неконвенциональность и неконструктивность гражданских установок взаимосвязана

с наличием прагматических доминант в жизненной стратегии молодежи;

- «зрительская» (кликтивистская) активность взаимосвязана с фокусировкой внимания на личных проблемах при меньшем интересе к со-

Таблица / Table

Представления российской молодежи о способах развития общественной активности. Ответы на вопрос: Какие из возможных путей развития гражданских и политических инициатив вы считаете оптимальными в России? (несколько ответов, %) / The views of young people in Russia regarding methods to promote social engagement. Responses to the query: "In your opinion, which of the following methods for promoting civil and political involvement are optimal in Russia?" (multiple choices, %)

Инициативы/возраст	Все	Молодежь				
	15 лет и старше	15–34 лет	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет
Расширение гражданских прав и свобод	41	47	45	47	48	46
Внедрение программы гражданского воспитания в систему образования	39	39	38	39	45	32
Повышение качества коммуникации между гражданами и властью	35	36	41	37	41	26
Самостоятельное развитие структур гражданского общества	24	27	24	33	24	25
Поддержка государством гражданских инициатив и общественных объединений	21	21	18	33	17	17
Использование цифровых социальных сетей в развитии гражданского общества	14	17	25	17	17	9
Развитие политических партий и общественных движений	11	15	10	18	19	11
Ужесточение наказания за уклонение от гражданских обязанностей	7	4	5	1	6	5
Внедрение в стране социального рейтинга граждан	5	5	2	4	8	6
Затруднились ответить	8	8	13	7	6	6
Другое	1	2	1	2	0	3

Источник / Source: составлено автором по результатам соцопроса / compiled by the author based on the results of a social survey.

Примечание / Note: соцопрос проведен Центром политических исследований Финансового университета в марте 2022 г., репрезентативная выборка 1600 респондентов из числа граждан России старше 14 лет / The social survey was conducted by the Center for Political Studies at the Financial University in March 2022. A representative sample of 1,600 Russian citizens aged 14 and over participated in the survey.

циальным противоречиям и ориентированностью на онлайн-форматы социальной активности;

- пассивность гражданской позиции коррелирует с микросоциальными ценностями и неосознанием важности соблюдения норм/законов во всех сферах общественной жизни [15].

Между тем, согласно социологическим данным, в общественных настроениях молодых людей преобладает установка на расширение гражданских прав и свобод, но не приветствуется введение наказаний за уклонение от гражданских обязанностей. Они настроены на взаимодействие с органами власти, но не одобряют государственный контроль. Молодежь приемлет гражданское воспитание в системе образования, меньше рассчитывая на политические партии и общественные движения и практически в равной степени — на свободное развитие гражданского общества и поддержку общественных объединений со стороны государства. Примечательно, что социальные медиа не рассматриваются новым поколением как приоритетная возможность проявления гражданской активности. Школьники несколько больше настроены на коммуникацию с органами власти и взаимодействие в социальных медиа, а студенты — на самостоятельное развитие гражданского общества и поддержку государством общественных объединений. Молодежь рабочего возраста в большей степени уповает на гражданское воспитание в образовательных учреждениях и на взаимодействие граждан с властью (см. таблицу).

Меры профилактики протеста должны учитывать внутренние различия в паттернах по-

литического поведения российской молодежи. Исходя из типологии политической идентичности молодых людей, следует обозначить стратегии в отношении выстраивания комплекса мер по профилактике протестных настроений. Риски для политического режима создают активные оппозиционеры, а устойчивость ему придают активные лоялисты. Между этими группами балансирует наиболее многочисленная когорта пассивистов. Расклад сил зависит как от соотношения численности, так и от интенсивности действий. Для адресной профилактики протестных настроений важно определить стратегии действий выделенных групп (рис. 2).

Проблема профилактики протестных настроений рассматривается в ракурсе как влияния внешней среды, так и внутренней мотивации активности молодежи. В своем исследовании А. В. Палагичева исходит из того, что кампания демобилизации протестных настроений в обществе предполагает разработку стратегии и тактики действий. Выбор стратегии учитывает приоритетные направления и условия среды. Достижение намеченной цели обеспечивают имеющиеся ресурсы и настроенная система управления [16]. Общий подход в применении технологий демобилизации, как полагают А. В. Соколов и А. В. Палагичева, заключается в ограничении возможностей и потенциала протестных групп [17]. В условиях глубокого «погружения» молодежи в цифровую среду Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская и их соавторы предлагают выявлять стратегии поведения

	Активные	Пассивные
Лояльные конструктивные	Группа развития Взаимодействие, содействие общественному участию и поиску ресурсов	Группа потенциала Стимулирование, расширение общественного участия и ресурсных возможностей
Оппозиционные деструктивные	Группа дестабилизации Подавление, блокирование общественного участия и ресурсных возможностей	Группа риска Ограничение, сужение общественного участия и доступа к ресурсам

Рис. 2 / Fig 2. Стратегии демобилизации протестных настроений в зависимости от типов политических действий / Strategies for demobilization of protest sentiments depending on the types of political actions

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

и протестные настроения по ряду маркеров, среди которых: частота присутствия в социальных медиа, количество лайков и репостов в различных сообществах и содержание контента [18].

С.Д. Гаврилов, С.А. Панкратов и Д.К. Азизова на основании дискурс-анализа цифровых текстов выделяют два подхода к минимизации протестной активности молодежи: 1) медиация как средство формирования общей конструктивной среды для коммуникации между политическими институтами и группами молодых людей; 2) дискредитация и/или игнорирование как противоположный способ прямого воздействия на оппозиционные группы. Согласно первому подходу, государство ответственно за создание горизонтально-интегрированного пространства для коммуникаций молодежи, а также механизмов предоставления ей условий для самореализации и развития. Смысловую основу второго подхода составляет необходимость силового воздействия на протест как таковой, включая основных лидеров мнений, публичных представителей и организаторов массовых акций [19].

В целях профилактики радикализма С.В. Расторгуев предлагает применять как мягкие, так и жесткие технологии для поддержания конвенциональных и противодействия протестным моделям поведения. Нейтрализации радикализма в молодежной среде будет способствовать максимизация доли конформистов и инноваторов, ограничение доли ритуалистов и минимизация доли ретритистов и мятежников. Трансформация указанных групп обеспечит сдвиг от экстремизма к большей конвенциональности и лояльности политической системе и режиму. Акторами мягких технологий определены федеральные гражданские министерства и ведомства, а жестких — силовые министерства и ведомства [20].

Е.Л. Омельченко и И.В. Лисовская отмечают ряд ключевых дискуссионных моментов молодежной политики. С одной стороны, молодые люди рассматриваются как ресурс для развития страны, созидания будущего. С другой — как

опасность для общества и государства, что вызывает необходимость усиления социального контроля [21]. Такое противоречие порождает широкий спектр мнений о путях, механизмах, инструментах развития молодого поколения и противодействия радикальным проявлениям в этой среде. Во многом конкурирующие позиции обуславливают избрание системы мер по противодействию формированию протестных настроений.

ВЫВОДЫ

На основании анализа дискурсивного поля научных исследований по избранной теме можно провести систематизацию факторов протестных настроений среди молодежи и мер их профилактики. Анализ соотношений показывает, что в формировании протестных настроений преобладают политические, информационные, социальные, психологические и культурные факторы. Однако среди предлагаемых действий по профилактике протеста преобладают информационные, политические, социальные и правовые меры. Расхождение между факторами и мерами демобилизации выявляет необходимость комплексного подхода к разработке эффективной стратегии противодействия нарастанию радикальных проявлений протестных настроений.

В настоящее время протестные настроения молодых людей не выражены. Однако в связи с происходящими событиями, вызывающими личную тревожность и общественную неопределенность будущего, недовольство среди них заметно возросло. В условиях проведения СВО усилилось внешнее информационное давление и наблюдается активизация внутренних внесистемных сил, нацеленных на дезорганизацию российской политической системы посредством агрессивных неконвенциональных действий. В сложившейся ситуации молодежь стала весьма уязвимой социальной группой — мишенью протестной мобилизации в цифровой среде, что требует особого внимания к данной аудитории, способной на активные действия под влиянием выделенных факторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком»; 2013. 344 с.
2. Парма Р.В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):100–110. <https://doi.org/26794/2226-7867-2019-9-6-100-110>

3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
4. Макаренко К. М. Протестный дискурс онлайн- и офлайн-митингов в современной России. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. (2022);27(1): 225–235. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.19>
5. Руденкин Д. В. Протестные настроения российской молодежи через год после митингов 2017 г. *Социодинамика*. 2019;(2):23–33. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.2.28963>
6. Франц В. А. «Мягкие» технологии формирования протестных настроений в контексте проблемы идентичности российской молодежи. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник. М.: ИНИОН РАН; 2019.
7. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):139–158. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>
8. Кленова М. А. Протестная активность как форма проявления социальной активности молодежи. *Русская политология — Russian political science*. 2020;1(14):87–92.
9. Попова О. В. Потенциал политического протеста молодежи российских мегаполисов через призму анализа коммуникации в ВКонтакте. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2020;21(4):6–23. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-4-6-23>
10. Керимов А. А., Эбзеев А. А. Факторы и тенденции протестной активности молодежи в современной России. *Дискурс-Пи*. 2022;19(1):104–123. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104
11. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;(5):3–18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>
12. Звоновский В. Б., Соловьева Ю. В., Ходыкин А. В., Азимова А. М., Кожевникова А. А., Акимова Е. С., Еловикова А. А. Политическая мобилизация российской оппозиции на примере акций протеста в январе 2021 года. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;(6):386–409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>
13. Панкратов С. А., Морозов С. И., Гаврилов С. Д. Протестная активность современной молодежи в контексте институционализации цифровой политики. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2022;27(1):213–224. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18>
14. Шентякова А. В., Гришин Н. В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021;3(2):88–109. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.155>
15. Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Стратегии онлайн-сетевой гражданской активности и ценностные профили молодых россиян: результаты кластерного анализа и многомерного шкалирования. *Власть*. 2021;29(4):180–186. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8402>
16. Палагичева А. В. Технологии политической демобилизации граждан в протестных кампаниях. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2019; 14(1):218–231. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-1-218-231>
17. Соколов А. В., Палагичева А. В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте. *Политическая наука*. 2020;(3):266–297. <https://doi.org/http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.12>
18. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018). *Политическая наука*. 2019;(2):180–197. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09>
19. Гаврилов С. Д., Панкратов С. А., Азимова Д. К. Условия и технологии минимизации протестной активности российской молодежи в контексте современного медиадискурса в цифровой среде. *Конфликтология / nota bene*. 2021;(4):24–34. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2021.4.36896>
20. Расторгуев С. В. Экстремизм в молодежной среде современной России: виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики. *Политическая наука*. 2018;(4):124–145. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.07>

21. Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022;(2):66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>

REFERENCES

1. Van Dyck T. Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. Moscow: Book house “Librokom”; 2013. 344 p. (In Russ.).
2. Pyrma R. V. Protest sentiments of Russian youth on the digital network. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):100–110. <https://doi.org/26794/2226-7867-2019-9-6-100-110> (In Russ.).
3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Life strategies of young people: Realization of expectations and social moods. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020;(3):13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602> (In Russ.).
4. Makarenko K. M. Protest discourse of online and offline rallies in modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships*. 2022;27(1):225–235. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.19> (In Russ.).
5. Rudenkin D. V. Protest sentiments of Russian youth a year after the 2017 rallies. *Sociodynamica = Sociodynamics*. 2019;(2):23–33. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.2.28963> (In Russ.).
6. Franz V.A. “Soft” technologies for the formation of protest sentiments in the context of the problem of identity of Russian youth. Greater Eurasia: development, security, cooperation: yearbook. Moscow: INION RAS; 2019. (In Russ.).
7. Titov V.V. Strategies of social protest of youth in RuNet: A comparative analysis of generations Y and Z. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2020;(3):139–158. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674> (In Russ.).
8. Klenova M.A. Protest activity as a form of manifestation of social activity of young people. *Russkaya politologiya = Russian political science*. 2020;1(14):87–92. (In Russ.).
9. Popova O.V. The potential of political protest among young people in Russian megacities through the prism of analyzing communication on VKontakte. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk = South Russian Journal of Social Sciences*. 2020;21(4):6–23. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-4-6-23> (In Russ.).
10. Kerimov A.A., Ebzeev A.A. Factors and trends in youth protest activity in modern Russia. *Discourse-Pi*. 2022;19(1):104–123. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104 (In Russ.).
11. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: Civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2019;(5):3–18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01> (In Russ.).
12. Zvonovsky V. B., Solovyova Yu.V., Khodykin A. V., Azimova A. M., Kozhevnikova A. A., Akimova E. S., Elovikova A.A. Political mobilization of the Russian opposition using the example of protests in January 2021. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021;(6):386–409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011> (In Russ.).
13. Pankratov S.A., Morozov S.I., Gavrilov S.D. Protest activity of modern youth in the context of the institutionalization of digital politics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies*. 2022;27(1):213–224. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18> (In Russ.).
14. Shentyakova A.V., Grishin N.V. Mobilization of youth political protest and Russian video bloggers: Results of cognitive mapping. *Galactica Media: Journal of Media Studies = Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021;3(2):88–109. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.155> (In Russ.).
15. Dombrovskaya A. Yu., Sinyakov A.V. Strategies of online network civic engagement and value profiles of young Russians: Results of cluster analysis and multidimensional scaling. *Vlast = Power*. 2021;29(4):180–186. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8402> (In Russ.).
16. Palagicheva A.V. Technologies for political demobilization of citizens in protest campaigns. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2019; 14(1):218–231. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-1-218-231> (In Russ.).

17. Sokolov A.V., Palagicheva A.V. Mobilization and demobilization in network political protest. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2020;(3):266–297. <https://doi.org/http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.12> (In Russ.).
18. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A. Civic and political online practices in the assessments of Russian youth (2018). *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2019;(2):180–197. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09> (In Russ.).
19. Gavrilov S.D., Pankratov S.A., Azizova D.K. Conditions and technologies for minimizing the protest activity of Russian youth in the context of modern media discourse in the digital environment. *Konfliktologiya / nota bene = Conflictology / nota bene*. 2021;(4):24–34. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2021.4.36896> (In Russ.).
20. Rastorguev S.V. Extremism among the youth of modern Russia: Types, distribution factors, soft technologies of prevention. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2018;(4):124–145. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.07> (In Russ.).
21. Omelchenko E.L., Lisovskaya I.V. Youth as a barometer of the future? The youth agenda in modern Russia through the opinions of youth policy experts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2022;(2):66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Роман Васильевич Парма — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, ведущий научный сотрудник факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Roman V. Parma — Cand. Sci. (Pol.), Assoc. Prof. of the Department of Political Science, Leading Researcher of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>
rvparma@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.03.2024; принята к публикации 20.04.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 17.03.2024; accepted for publication on 20.04.2024.
The author read and approved the final version of the manuscript.